

Памятник
И.А.Гончарову
в Ульяновске
Скульптор
Л.М.Писаревский
1965

СТРАНА ГОНЧАРОВА

НА РОДИНЕ

И.А.Гончаров

Губернские города, подалее от столицы, были, до железных дорог, оживленными центрами общественной жизни. Помещики с семействами, по дальнему расстоянию от Москвы, проводили зиму в своем губернском городе. Наша губерния особенно славилась отборным обществом родовитых и богатых дворян.

<...> Меня нередко манили куда-то вдаль широкие разливы Волги, со множеством плавающих, как лебеди, белых парусов. Я целые часы мечтательно, еще ребенком, вглядывался в эту широкую пелену вод.

И по приезде домой, по окончании университетского курса, меня обдало той же «обломовщиной», какую я наблюдал в детстве. Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кроме картины сна и застоя. Те же, большею частью деревянные, посеревшие от времени дома и домишки, с мезонинами, с садиками, иногда с колоннами, окруженные канавками, густо заросшими полынью и крапивой, бесконечные заборы; те же деревянные тротуары, с недостающими досками, та же пустота и безмолвие на улицах, покрытых густыми узорами пыли. Вся улица слышит, когда за версту едет телега или стучит сапогами по мосткам прохожий.

Так и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонные окна с опущенными шторами и жалюзи, на сонные физиономии сидящих по домам или попадающиеся на улице ли-

ца. «Нам нечего делать! — зевая, думает, кажется, всякое из этих лиц, глядя лениво на вас, — мы не торопимся, живем — хлеб жуем да небо коптим!»

И вправду, должно быть, так. Чиновник, советник какой-нибудь палаты, лениво, около двух часов, едет из присутствия домой, нужды нет, что от палаты до дома не было и двух шагов. Пройдет писарь, или гарнизонный солдат еле-еле бредет по мосткам. Купцы, забившись в глубину прохладной лавки, дремлют или играют в шашки.

Художник И.П.Раулов
И.А.Гончаров

И.А.Гончаров среди офицеров фрегата «Паллада»

Мальчишки среди улиц располагаются играть в бабки. У забора коза щиплет траву.

— Ужели ничего и никого нового нет? — спрашиваю крестного, объезжая город и ленивым оком осматриваясь кругом, — я все это знаю, давно видел: вон, кажется, и коза знакомая!

— Как нет нового! Вот сейчас поведем к новому собору: он уже освящен. Каков! — хвастался он, когда мы сошли с дрожек и обходили собор. Собор в самом деле очень хорош: обширен, стройных размеров и с тонкими украшениями на фронтоне и капителях колонн.

— Вот и это новое: ты еще не видел, при тебе не было! — говорил Якубов, указывая на новое здание на Большой улице.

Я прочел на черной доске надпись: «Питейная контора».

— Это откупщик выстроил, — прибавил он.

Встретился нам очень старый священник, посмотрел на нас, прикрыв глаза от солнца руками, узнал Якубова и отвесил низкий поклон.

— Здравствуй, батька, здорово! Крестить, что ли, ходил или отпевать кого-нибудь? — шутил крестный.

— Чего? — отозвался, останавливаясь, тот, — не слышу!

Мы проехали.

— Когда я приехал сюда, этот батька был уже зрелых лет попик: теперь ему уже под восемьдесят! — добавил мне крестный.

— Это все старое и ветхое, что же вы мне показываете, кроме собора да питейной конторы, — сказал я. — Где же новое, молодое, свежее?

— Свежее? Есть свежие стерляди, икра, осетрина, дичь... Всего этого —

здесь вволю; ужо маменька твоя на-
кормит тебя, — шутил он.

— А новые люди, нравы, дух? —
допрашивал я.

— Люди?.. Да теперь лето: никого
в городе нет, все по деревням. Вот по-
годи, к осени съедутся, увидишь и
людей, познакомишься со всеми. А
теперь тебе надо «представиться» гу-
бернатору.

Я встрепенулся.

— Зачем? Если б я приехал сюда
на службу, — другое дело, а я к осени
думаю ехать в Петербург.

— А все-таки надо представиться
ему, — настаивал Якубов, — он заме-
тит тебя где-нибудь, спросит — кто,
а ты у него не был: это никуда не го-
дится. И к архиерею тоже, и к пред-
седателям палат, да еще к такому-то
и такому-то.

Он насчитал домов десять, где я
будто бы должен побывать — не знаю
сам, да и он не знал — для чего. «Для
приличия, — говорил он, — молодой
человек везде должен являться». То-
же не объяснил — зачем. Я не разде-
лял этого принципа старого века —
соваться везде, где и не нужно; нра-
вы уже менялись, но спорить с ним
не желал, решив про себя, что у гу-
бернатора я запишусь, сказал бы:
«оставлю карточку»,
если бы она у меня
была, но ее не было —
я только что вступал в
свет, — а к прочим за-
гляну при удобном
случае.

Так и сделал. К осе-
ни, однако же, надо
было подчиниться гу-
бернскому режиму и
делать визиты, нуж-
ные и ненужные, то
есть к знакомым и не-
знакомым. Это соблю-
дается, как я увидел
после, строже в про-

винции, нежели в столице, и не побы-
вать у иного в известный день — на-
живешь себе недруга. Вот чем и каким
делом разбавлялось, между прочим,
провинциальное безделье!..

Зимний сезон был в полном разгаре.
Город наполнился приезжими из уез-
дов. Начались балы в собрании, у гу-
бернатора, у дворян, вечеринки почти
во всех семейных домах. Я, как и все
тогдашние молодые люди, катался
как сыр в масле — с бала на бал, с ве-
чера на вечер. Как я ни увертывался,
но мне не раз приходилось играть
роль, в которую прочила меня губер-
наторша. Как я был подставной секре-
тарь у ее мужа, так если бы не был, то
числился подставным ее кавалером.
Танцевать с ней мне случалось очень
редко: все наперерыв старались анга-
жировать ее до бала. Мне доставалась
иногда эта честь на вечерах у нее са-
мой, когда, уступая арену гостям, она
сама оставалась без кавалера.

Я чувствовал, что стал вращаться в
губернскую почву. Меня тянуло са-
мого то в тот, то в другой дом, где бы-
ло поживее, повеселее, где меня
больше ласкали. Но над всем этим
губернским людом царила пустота и
праздность. Искры интеллектуаль-
ной жизни нигде не горело, не было
ни одного кружка, ко-
торый бы интересо-
вался каким-нибудь
общественным, уче-
ным, эстетическим
вопросом.

Местные интересы
сосредоточивались на
выборах, этих потеш-
ных карикатурах на
выборное начало. Де-
ло было вовсе не в вы-
борах, а в обедах, в
танцах, в картах.

Оторванный от заня-
тий университетской
жизни — я читал в

Н.Н.Треубов,
крестный отец И.А.Гончарова —
прототип Якубова
в автобиографическом очерке
«На родине»

Дом, в котором родился И.А.Гончаров
Перестроен в конце XIX века

одиночку, сплошь, что попадалось под руку, и не с кем было даже делиться впечатлениями и мнениями о прочитанном. Приходилось плыть по течению местной жизни. В карты я не играл и не обнаруживал наклонности к ним: за это многие «солидные» люди почти презирали меня. Но зато я, как все молодые, развлекался на балах кадильным ухаживанием, с робкими комплиментами, за губернскими девицами или «барышнями», как их тогда называли. И все это под строгим контролем маменек или тетусшек, которые, пуще всякой полиции, с материнским расчетом, следили за каждым взглядом и движением танцующих пар. Протанцуешь, бывало, с какой-нибудь «барышней», которая приглянется, мазурку на двух вечерах сряду, начнешь заезжать в дом — губернаторша уже посматривает насмешливо.

— Вам нравится Лиза Р-вая? — бесцеремонно, по-начальнически спрашивает она.

— Да, она хорошенькая,

— А еще что?

— Еще?... Умна, любезна, держит себя просто.

— Прибавьте еще, не скупитесь... — И смеется... Я оглядываюсь во все стороны. Войдет губернатор.

— Правда ли, что вы влюблены в Р-ую? — хватит вдруг при всех.

— Я! Помилуйте!

— Уж признайтесь лучше! — шутит губернаторша.

И три дня город говорит, что я влюблен в Р-ую. Мать моя принимает это серьезно, шепотом предупреждает, чтобы я остерегся ухаживать за красавицей, что мать у нее — ехидная, «и притом гордая, прочит дочь за какого-нибудь графа или князя, за тебя не отдаст».

— Вон куда пошло! Да разве я жених кому бы то ни было! — Я готов был <...> приложить ладони к вискам и бежать к себе вверх, на «вышку», прятаться за книгу.

Это повторялось раза три в зиму, и я не знал, как бы мне выбраться на свободу. Но вот зимний сезон кончился, прошел и Великий пост. Из города стали разъезжаться, и к празднику оставались почти одни только служащие, купцы и другие постоянные городские жители <...>.